

Глэр П.

О создании Оксфордского словаря латинского языка (лекция, читанная в Московском Университете 13 апреля 1999 г.)

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3586>]

[Публикация работы:]

Глэр П. 2010: О создании Оксфордского словаря латинского языка (лекция, читанная в Московском Университете 13 апреля 1999 г.) // Вопросы классической филологии. Вып. XV. ΝΥΜΦΩΝ ΑΝΤΡΟΝ: Сборник статей в честь Азы Алибековны Тахо-Годи / А.И. Солопов (отв. ред.). М., 647-671.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHE FORSCHUNGS- UND STUDIENZENTRUM
FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
JAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

П. Глэр

О СОЗДАНИИ ОКСФОРДСКОГО СЛОВАРЯ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА (лекция, читанная в Московском Университете 13 апреля 1999 г.)

Питер Глэр – один из самых выдающихся филологов-классиков нашего времени, составитель лучшего словаря латинского языка (Oxford Latin Dictionary) и автор Дополнения к Греческо-английскому словарю Лидделла-Скотта. Окончил Кембриджский университет, где учился в том числе и у Роджера Майнорса. Участвовал во Второй мировой войне (в боевых действиях в Индии и Японии). Всю жизнь посвятил лексикографии классических языков, работая в Издательстве Оксфордского университета. До сих пор продолжает свою лексикографическую деятельность в составе коллектива Словаря средневековой латыни по британским источникам. В 1999 г. по приглашению кафедры классической филологии МГУ посетил Москву и во время этого визита прочел в Московском университете две лекции, которые и публикуются ниже.¹

Идея создания Оксфордского латинского словаря зародилась в 1931 году. Это стоит помнить, хотя нельзя сказать, что тот факт, что для окончательного осуществления её понадобилось пятьдесят лет (правда, работы над словарем, конечно, прерывались в период Второй мировой войны), может служить поводом для особой гордости. Поэтому важно представлять себе, что словарь должен был отвечать требованиям к латинскому словарю, актуальным для Англии почти семидесятилетней давности.

¹ Краткое сообщение об обеих лекциях П. Глэра см.: Греко-латинский кабинет (Museum Graeco-Latinum). Вып. 3. М., 2000. С. 121.

В те времена я был, разумеется, ещё весьма юным и не мог принимать никакого участия в разработке идеи этого словаря. И только практически двадцать лет спустя, в 1950 году, когда я, только что окончив Кембриджский университет, находился в поисках места работы, где мои знания могли бы принести какую-то пользу, я впервые услышал об этом проекте. Естественно, за годы войны работа над словарем не сдвинулась с мертвой точки, а теперь для проекта шёл набор новых сотрудников. Я подал заявление о приёме и был в скором времени принят на работу, собираясь проработать на новом посту несколько лет, а затем перейти к другим академическим занятиям. Когда меня принимали на работу, мне в самом деле сказали, что проект рассчитан от силы на семь-десять лет. Вышло всё несколько иначе: тогдашний руководитель проекта и издатель был вынужден уйти на пенсию по состоянию здоровья и оставил меня главным координатором проекта, который, как оказалось, потребовал больше усилий, чем ожидалось, и в итоге растянулся ещё на тридцать лет вместо семи-десяти. Так я и достиг пенсионного возраста, занимаясь лексикографией, и это до сих пор — самая интересная для меня тема, даже если при моем преклонном возрасте никто не думает, что стоит свеч оплачивать эти мои занятия.

Подход к этой теме как к профессии, почти как к образу жизни, а не как к побочному продукту более широкого плана академической работы — довольно новое явление, и в Великобритании, по крайней мере, восходит корнями к созданию Оксфордского словаря английского языка, которому сэр Джеймс Марри посвятил бóльшую часть своей жизни. В прошлом словари составляли в одиночку для конкретных целей и задач во время своих других обычных занятий или досадного перерыва между ними. При этом составители нередко жаловались на полное отсутствие приятности своего труда; пожалуй, красноречивее всего это сделал Скалигер в своей знаменитой эпиграмме, включающей следующие слова: *omnes poenarum facies hic labor unus habet* («этот труд один со всех сторон — наказание»). Или можно процити-

ровать Ридля и Арнольда, которые издали свой латинский словарь в 1850 г.: «Труд, который мы наконец завершили, стоил нам многих лет труда, труда, который часто казался безнадежным». В Англии широко известны разнообразные заметки, которые делал по поводу лексикографии Сэмюэль Джонсон.

Создателями словарей чаще всего были учителя, чью методику преподавания не удовлетворяли словари существующие. Исключением был сэр Томас Элиот, придворный и дипломат времен короля Генриха VIII (1509-1547). Он, в частности, принимал участие в переговорах о расторжении брака короля с Екатериной Арагонской и, скорее всего, находил написание словаря менее сопряженным с невзгодами, чем его другие занятия.

Другим лексикографом, чья карьера оказалась не совсем академической, был Чарльтон Льюис. Его *curriculum vitae* существенно разнообразней других.

По тексту американского биографического словаря (старый справочник, который теперь, как мне кажется, уже вытеснили другие издания): «В 1853 г. юноша 19-ти лет особенно отличился по математике и классическим языкам и при этом занимал пост классного поэта. После выпуска он, вслед за отцом, занялся правом, но в 1854 г. после прохождения испытательного срока был принят в ряды церковнослужителей филадельфийской конференцией методистской епископальной церкви и стал служить в одном из её округов. В 1857 г. он уже преподаватель языков в Иллинойском университете «Нормал», а с 1859 по 1862 г. он был в Нью-Йоркском университете «Трой», сначала как преподаватель математики, а затем как преподаватель греческого. В 1862 г. он вернулся на службу методистской церкви». Но ненадолго. Президент США назначил его отца специальным уполномоченным Государственной налоговой службы, а тот, *ut fit* («как бывает», пользуясь оборотом Цицерона), назначает своего сына заместителем уполномоченного налоговой службы. В 1864 г. в свои тридцать лет он возвращается к пра-

ву, которому и суждено было стать его основным занятием до конца жизни, хотя с 1868 по 1871 г. он ещё и издавал газету «Нью-Йорк ивнинг пост». Кроме того, он издал перевод «Гномона греческого Нового Завета» Бенгеля и историю Германии, читал лекции о торжестве жизни в Корнелльском, Гарвардском и Колумбийском университетах, а несколько лет был президентом ассоциации тюрем Нью-Йорка. Занимаясь этим всем, он ещё нашел время издать от буквы В до Z латинский словарь, обыкновенно именуемый как «Льюис и Шорт», хотя изначально он был опубликован в Америке в 1879 г. под названием «Латинский словарь Гарпера». Это было сделано после того, как Льюис перестал занимать какие-либо академические посты. Лично я могу претендовать лишь на одну, последнюю из перечисленных профессий, но никак не на всю эту удивительную коллекцию.

Словари скорее эволюционировали, чем изобретались, и до недавнего времени систематических попыток описания методов их создания не существовало. Если меня спрашивали, что часто случалось, когда люди узнавали, чем я занимаюсь: «Как люди пишут словари?», я мог отвечать только за тот словарь, над которым я непосредственно работал. Словари выросли из глоссариев, которые составляли александрийцы, чтобы объяснять значение и использование слов, которые вышли из употребления. Несмотря на то, что идея расположения слов по алфавиту появилась на самых первых этапах работы над словарями, поначалу не было и мысли о составлении полного указателя слов, используемых каким-то отдельным автором, или тем более полного указателя слов всего языка.

Например, на латыни известны труды Веррия Флакка, Феста и Нония. Так получилось, что именно у этих авторов мы почерпнули значительную толику знаний о римской литературе, так как в качестве иллюстрации они включали в свои тексты короткие отрывки или отдельные фразы из произведений более ранних писателей, и теперь это иногда то единственное, что сохранилось от этих писателей, всё, чем мы теперь располагаем.

Так, у нас нет ни одного полного примера раннего римского эпоса или трагедии: большая часть фрагментов, которыми мы располагаем, были сохранены именно этими учёными авторами. Есть по крайней мере один латинский поэт, его имя Ганний, о самом существовании которого стало известно только благодаря тому, что он неправильно метрически употреблял слово *ador* «полба-двузернянка»: в двух случаях употребления косвенного падежа он сделал звук «о» кратким, а в третьем — долгим, что и было отмечено грамматиками как аномалия. Если бы он писал правильно, мы бы не знали о таком поэте — Ганнии.

Но хотя у этих авторов часто можно найти интересные сведения, их толкования архаических слов следует принимать с осторожностью, так как часто они могли лишь догадываться о смысле слов, которые уже тогда были забыты. Их высказывания можно рассматривать как попытки этимологии, хотя и не все из них столь абсурдны, как печально знаменитые «*lucus a non lucendo*» или «*aqua a qua iuuatur*», но тем не менее обычно они не слишком надежны. Идея же обобщающего словаря тогда просто не существовала.

Нужда в глоссариях стала возрастать с распадом Римской империи, когда в разных странах стали развивать собственные языки и латынь перестала быть языком повседневного общения. В Англии первые древнеанглийские глоссарии или словари известны с VIII в. Один из них, созданный около 1000 г. по Рождестве Христовом, был составлен Эльфриком, аббатом Эйншема в Оксфордшире, всего в нескольких милях от того места, где я теперь живу. (Не могу сказать, что я чувствую к нему какую-то особую близость, но мне приятно сознавать, что словари создавались в окрестностях Оксфорда на протяжении тысячи лет.) Судя по всему, этот глоссарий был адресован монахам, находящимся под началом Эльфрика, и не был предназначен для более широкого распространения. Главной целью этого труда было помочь монахам более эффективно выполнять свои литургические и домашние обязанности. Как говорит современный издатель, «цель та-

ких словарей была в основном двойная: во-первых, толковать латинские слова для учащихся, родным языком которых был древнеанглийский, а во-вторых, снабдить их латинскими названиями объектов повседневной жизни».

Единственной формой образования, возможной в то время, было обучение в монастырях. Оно преследовало чисто практические цели, религиозные и административные, потому что в ту эпоху большая часть административных обязанностей исполнялась духовными лицами. Изменения в системе образования произошли только в эпоху Возрождения, это в немалой степени было связано с изобретением книгопечатания.

С середины XV в. начался постоянный выпуск англо-латинских и латинско-английских словарей. Первый англо-латинский словарь, озаглавленный *Promptorium paruulorum*, был составлен около 1440 года и вышел несколькими изданиями начиная с 1499 г. Из названия словаря вполне очевидно, кому он был адресован.

Более ранние словари обычно содержали дополнительную грамматическую информацию, как минимум приставляя *hic, haec, hoc* к существительным, чтобы обозначить их род. *Promptorium paruulorum* более методичен. Типичная словарная статья для существительного переводит *Abyte* (одежда) как «*Habitus ius masculi. ge. quarte declin.*». Глагол *Abyden* (ждать) представлен как «*Expecto tas tavi are di do dum* (формы герундия) *tatum tatu prime coniugationis acti. Prestolor aris atus sum ari di atum pri. con. deponens*».

В качестве латинско-английского словаря тогда использовался *Medulla Grammaticae*, первый из таких словарей, составленный где-то в том же веке и пользовавшийся огромной популярностью, несмотря на то, что он, что любопытно, так никогда и не был напечатан; сохранилось множество его рукописей.

(H)ortus Vocabulorum напечатал в 1500 г. Винкин де Ворд (полагаю, вторая часть имени скорее обозначает его профессию, чем фамилию), а через тридцать лет или около

того этот словарь уже выдержал двенадцать изданий. Этот «Сад слов» в алфавитном порядке содержал почти всё, что входило в такие труды, как *Catholicon* (англо-латинский словарь 1483 года), *Breuiiloquius* («Краткословник»), *Cornucopia* («Рог изобилия»), *Gemma uocabulorum* («Самоцвет слов», латинско-немецкий словарь, тоже конца XV века) и *Medulla grammaticae* («Сердцевина грамматики»), вместе с толкованием на английском языке того времени.

«По достоинству названный садом слов, ибо как в садах мы находим изобилие цветов, трав и плодов, которыми укрепляются наши тела и освежается дух, так в этом труде различные слова приспособлены для новичков, жаждущих удовольствий учёности. Этими словами они могут обогатить свой ум, украсить свою речь, и в конце концов, если позволит судьба, они вырастут в весьма учёных людей... Здесь в алфавитном порядке они могут с лёгкостью найти те слова, которые пожелают. Склонение и род существительных и спряжение глаголов они узнают по буквам, приписанным к каждому слову. Этот труд полезен и выгоден для всех жаждущих познаний в науке и искусстве, а благодаря изложению на английском языке в особенности необходим для Английского королевства. Итак, спешите, все английские подданные, и не жалеите вашей мелкой монеты. Покупайте этот том, пока вы можете получить его совсем задёшево».

Я не представляю, за какую цену он продавался, но, к сожалению, последнюю фразу мы никак не можем использовать в качестве рекламы Оксфордского словаря латинского языка. Хорош он или нет, говорить не мне, но вот дешёвым его точно не назовёшь.

В ту пору предполагалось, что латынь — язык учёного общения, она была сосредоточена на нуждах Церкви, в словарях нет никаких упоминаний античной литературы. Но словарь сэра Томаса Элиота, первое издание которого было опубликовано в 1538 г., демонстрирует нам пример человека, который уже приобщён к новому знанию. На полях его словаря мы находим ссылки на таких разных авторов, как

Эразм, Плиний Старший, Гален (естественно, его перевод на латинский), Колумелла, Цицерон, Саллюстий, Ливий, Сервий, Будей (Гийом Бюде), Вергилий, Цезарь, Квинтилиан, Овидий, Марциал, Светоний, Фест, Варрон и блаженный Иероним. Его источниками послужили не словари, ранее опубликованные в Англии, а труды европейских учёных других стран — Амвросия Калепина, Роберта Стефана и Стефана Доleta.

Теперь словари получили дополнительный смысл: они позволяли ученикам и учёным читать классических античных авторов. Вместе с этим появилась потребность поднять уровень преподавания, чтобы соответствовать стилю классических авторов при выполнении письменных учебных упражнений.

В предисловии к своему словарю 1677 года Адам Литльтон писал: «Нашей великой целью было полностью сохранить чистоту латинского языка, и как следствие, не меньшей заботой было не принимать слова и прочее на веру, чтобы не переписывать ошибки других и (как это случается с любой традицией знания) не добавлять к ним наши собственные ошибки. Поэтому там, где у нас была возможность получить более точные сведения от самих авторов, мы не пожалели никаких усилий, обращаясь к ним; когда эта возможность отсутствовала, мы считали себя обязанными называть тех, кто поручился своим авторитетом за то или иное толкование». В заключение он выдвигает достаточно серьёзное притязание: «Да будет тебе достаточно того, читатель, что здесь тебе доставлен весь ствол латинского языка со всеми своими природными и подлинными ветвями, благодаря чему ты можешь научиться говорить и писать по-латыни у тех же авторов, у которых и сами римляне учились говорить и писать, когда Рим находился в зените своей славы. Ибо что касается тех слов, которые ты не находишь здесь, но встречаешь в других местах, следует тебе знать, что их как искажения и злоупотребления латыни лучше оставлять без внимания, чем замечать».

Пятьдесят лет спустя Роберт Эйнсворт писал: «Побуждение, благодаря которому я в первую очередь занялся этим делом и которое поддерживало меня в утомительном проглядывании множества необходимых книг, чтобы дело двигалось вперед, было на самом деле искренним желанием сделать всё, что я могу, для сохранения чистоты латинского языка в наших классических гимназиях».

Все труды, которые я до сих пор упоминал, конечно, были составлены по предыдущим словарям. Естественно, со временем вводились усовершенствования, как при составлении словарных статей, так и в чёткости определений, но никто из занимавшихся этим делом не мог бы совершить то, что сделал за находившееся в его распоряжении время, если бы начинал с нуля. Результатом, разумеется, стало накопление наших знаний в этой области, но это может также значить и то, что, несмотря на осторожность Литльтона, некоторые ошибочные идеи как сами собой разумеющиеся передавались из поколения в поколение.

Ближе к нашему времени словарь Льюиса и Шорта был составлен за десять-двенадцать лет, при том, что главный автор, как я уже говорил, был в основном занят другим делом, трудясь на адвокатском поприще. На самом деле это был результат расширения несколько более ранней работы их американского соотечественника Этана Эндрюса, и значительная часть словарных статей в действительности так и осталась практически без изменений. Эта работа была в свою очередь переводом немецкого словаря латинского языка Вильгельма Фрейнда (*Wörterbuch der lateinischen Sprache*), и притом опять-таки не предпринималось никаких попыток скрыть этот факт. Даже предисловие у Эндрюса *mutatis mutandis* было таким же, как у Фрейнда. Иногда встречаются случаи небрежного копирования. Так, при объяснении формы слова *Vaschanal* Льюис и Шорт прибавляют сноску: «см. приложение 1 к предисловию». Сноска взята прямоком из Эндрюса, но у Льюиса и Шорта приложения к предисловию отсутствуют. И у Эндрюса тоже нет приложения к предис-

ловию, хотя он и публикует текст сенатусконсульта о вакханалиях (*Senatusconsultum de Bacchanalibus*) в конце тома. И только когда мы открываем Фрейнда, который делает сноску «u.a.s. Anhang 1 zur Vorrede» («ср. пр. см. приложение 1 к предисловию»), мы наконец обнаруживаем приложение к предисловию, а где-то в его дебрях – упоминание суффикса -al в слове *Bacchanal* и в других словах.

Это – вполне очевидный пример ловушек, в которые можно попасть, если основываться слишком буквально на существующей модели, хотя в данном случае ошибка скорее забавляет, чем серьёзно сбивает с толку, и информация, которая приведена в словарной статье, от этого не обесценивается. Примечания к существующим словарным статьям часто теряют свою ценность, так как они ошибочно принимают на веру достоверность исходной статьи.

Рассказывают, что покойный профессор Джон Мейор (*John Eyton Bickersteth Mayor*, 1825-1910) подобными примечаниями исписал весь свой экземпляр Льюиса и Шорта. После его смерти книгу никак не могли найти, и было решено, что лексикография как наука лишилась выдающегося вклада. Через некоторое время выяснилось, что слуга воспользовался словарём для того, чтобы подпереть им лежащий одной из ножек комод в его комнате в колледже. Правда, после просмотра словаря сложилось общее мнение, что в целом слуга нашел словарю лучшее применение.

Неудовлетворённость словарем Льюиса и Шорта заставила Редакционно-издательский совет Издательства Оксфордского университета в 1931 г. задуматься об опубликовании достойной замены. Первая их мысль была переработать и расширить Льюиса и Шорта. Это было реально возможно, так как права на это изначально американское издание были уже давно приобретены. Однако Джеймс Вайли (*Wyllie*), которому довелось поработать над первым Дополнением к Оксфордскому словарю английского языка и осознать все преимущества методов, с помощью которых был составлен этот словарь, смог убедить их приступить к работе над

совершенно новым словарем. (В те времена у Издательства Оксфордского университета было, конечно, относительно много денег, которых, как утверждается, теперь у него нет.)

Вайли был тогда ещё очень молод и, будучи выпускником шотландского университета Абердина, практически неизвестен в Оксфорде. В силу тогдашнего интеллектуального снобизма все, что происходило не из Оксфорда, считалось явно второсортным. Поэтому руководство этим проектом было поручено профессору Александру Сутеру (Souter). Сутер в первую очередь занимался библеистикой и в итоге не проявил особого энтузиазма или способности к решению этой задачи, и Вайли, которого назначили его ассистентом, взвалил на себя основной груз работы.

Сутер официально ушел со своего поста в 1939 г., и руководители издательства, все ещё надеясь иметь во главе проекта именитого учёного, решили привлечь доктора Сирила Бейли, выдающегося знатока Лукреция. Он по сути никогда не принимал активного участия в работе, но присматривал за ней в годы войны, пока отсутствовал призванный на службу Вайли. Когда последний вернулся, набрали новых сотрудников, среди которых одним из самых ценных стал Джон Чедвик, который позднее стяжал славу дешифровщика линейного письма Б. Вайли сам в конечном счете получил полный контроль над проектом как издатель, но в 1954 году был вынужден уволиться по состоянию здоровья, и через какое-то время проект оказался на моем попечении.

В то время, когда было вынесено решение создать Оксфордский словарь латинского языка, курсы латыни и древнегреческого в университетах Оксфорда и Кембриджа, задававших стандарт для школ, из которых студенты и набирались, были достаточно ограничены в своих рамках. Большое, а на наш современный взгляд, и излишне большое, количество времени уделялось переводам на классические языки, а авторы, которых читали, были в основном те, которые служили хорошими образцами для этих упражнений. Теперь это изменилось, в чём есть как свои плюсы, так и свои минусы.

Пытаясь имитировать определённого автора, лучше получишь представление о его стиле, даже если приходится признать, что собственные усилия имеют лишь минимальную или вообще никакой литературной ценности.

Как бы то ни было, задуманный для словаря период охвата не заходил за рамки между Плавтом и Светонием. Вскоре стало понятно, что это ограничение неуместно, и временная граница периода была сдвинута до 200 года по Р. Х. Среди тех, кто бы оказался исключённым, если бы оно сохранилось, остались бы Апулей и все авторы-юристы, чьи тексты были использованы в Дигестах Юстиниана. Впрочем, и эти временные рамки продолжали критиковать, и действительно, из-за них в словарь не попадали некоторые важные классически ориентированные авторы.

С другой стороны, именно эта дата отмечает небывалый подъём патристической литературы, которая по необходимости требует введения нового словарного запаса. У предыдущих словарей не было такой ранней конечной даты используемых текстов, но они и не претендовали на полноту истолкования слов, относящихся к позднему периоду.

Льюис и Шорт приводят слова из поздних авторов столь спорадически, что это не особенно помогает тем, кто занимается этим периодом. Их самые поздние примеры переносят нас практически в современность. У них есть слово *gunpa* (английское *gun* «ружье»), которое появляется в цитате из Томаса Вальсингама, английского летописца начала XV века, чтобы проиллюстрировать слово *сапон* в значении «военная пушка». Никакой другой сноски на труды этого автора, да и другие близкие к нему по времени, нет, так что это можно рассматривать скорее как курьёз.

В нашем случае возникло ощущение, что если включать подобные слова, то либо объём словаря разрастётся до таких размеров, которые окончательно выведут его за ценовые рамки, реальные для пользователей, на которых он был ориентирован, либо придётся исключить множество деталей, которые, как ожидалось, как раз и требуются для этих самых

пользователей. К несчастью, вместе с упадком преподавания латыни в наших школах многие из этих ожидаемых пользователей перестали существовать, а с ростом цен большинство изучающих латынь даже в наших университетах уже не могут позволить себе даже словарь Льюиса и Шорта, не говоря уж об Оксфордском словаре латинского языка, который стоит сейчас около 200 ф. ст. (не знаю, сколько это будет в рублях). Как я уже упоминал, включать поздних латинских авторов, но ограничиться минимумом информации по ним не слишком поможет тем, кто изучает этот период. Им, как впрочем и всем учёным, необходима полная информация, которую раньше считали необязательной.

Когда я только начинал работать над словарем, мои не слишком хорошо осведомлённые знакомые, узнав, чем я занимаюсь, нередко спрашивали: «Зачем нужен новый латинский словарь? Ведь латынь — это мертвый язык!» Они говорили так, как будто за все эти века не произошло никакого прогресса в понимании латинских текстов, и всё, что требовалось от составителя — это перечислить слова и сопроводить их не подлежащим сомнению толкованием. Считалось, что только приток существенного числа не включённых до сих пор в словари слов мог оправдать подобный проект.

Уже много лет назад (в 1673 г.) Литльтон настаивал на том, что не число включённых слов делает словарь хорошим или плохим. В действительности Оксфордский словарь латинского языка может похвастаться только несколькими новыми для латинских словарей словами.

Есть несколько слов греческого происхождения, в основном из папирусных источников; правда, их можно было раньше найти в греческих словарях. Примеры в Оксфордском словаре латинского языка: *cadium* (κάδιον) «вид сосуда», *chiloma* (χεῖλωμα) «коробка», *catoecicus* (κατοικικός) «назначенный к военным колонистам», *chora* (χώρα) – в контексте, судя по всему, «земельный участок для возведения монумента».

Среди других слов можно отметить незамысловатые производные, встречающиеся в надписях, например, *cerineus*

«сделанный из воска», *cisianus* «каретник», *cistarius* «гардеробщик», *ficatio* «сбор урожая инжира».

Критика текста тоже дала несколько новых слов, например *eclutrum* «ковш» (в рукописях: *et gluiro*), *erinos* «неизвестное растение, напоминающее базилик» и *figurator* «придающий формы» (слово, распространенное в период поздней латыни, но до того не засвидетельствованное в классической). Ещё интереснее слово *aena* («карда, чесалка»). Обычно считалось, что это женский род от *a(h)enus* «бронзовый»; оно встречается в двух местах у Плиния: XXIV 111 *uulgaris quoque haec spina, ex qua aenae fulloniae implentur, radices usus habet* («также эта обычная колючка, которой наполняются карды валяльщиков, имеет применение как корень») и XXVII 98 *hippophæstion nascitur in spinis, ex quibus fiunt aenae fulloniae* («некое растение (возможно, василёк или горечавка) родится в колючках, из которых получают карды (чесалки) сукновалов»). В обоих случаях слово было лишь бегло упомянуто и не было дано описания самого предмета. Но как избавиться от грязи, наполняя медный котелок колючками, как предлагает предыдущая цитата, или делать медный котелок из колючек, понять трудно. Джон Вайльд (John Peter Wild) очень убедительно предложил совершенно другое слово, которое, как он считает, может быть галльского происхождения. Таким образом, одной из основных задач словаря стала реинтерпретация существующего материала.

Так как это должен был быть совершенно новый словарь, начинать нужно было с самих текстов. Полный корпус литературы, надписей и т. д. оказался не слишком большим; практически все тексты были доступны в достаточно приемлемых современных изданиях. Может показаться удивительным, но помимо надписей и других подобных изданий, которые по различным причинам печатаются в большом формате, основной материал занял всего два-три метра книжных полок. Нам было гораздо лучше, чем издателям «Энциклопедического словаря санскрита, построенного на историческом принципе», который в настоящее время гото-

вят к печати в Индии, им пришлось самим издать множество текстов, прежде чем приступить к работе (существующий словарь Монье-Вильямса основывался на весьма ограниченном числе источников).

Тем не менее в докомпьютерную эпоху и наша задача была непростой. Сначала надо было решить задачу отбора стандартных текстов; наиболее предпочтительными мы считали оксфордские издания классической литературы (*Bibliotheca Oxoniensis*), а также издания Тейбнера и Бюде. Но труды Колумеллы, например, были доступны полностью только в старом издании Шнейдера, а ныне существующие издания Лундстрема (Упсала) и классической библиотеки Лёба в то время находились в стадии завершения. Небольшая работа *de arboribus* и V книга его основного труда *de re rustica*, которые базируются на одном и том же материале, были обе доступны в современных изданиях, но в разных, поэтому возникали трудности выбора параллельных пассажей, потому что разные издатели принимали различные чтения, и нельзя было сказать, какое чтение правильно.

Обычно мы твёрдо придерживались согласованного текста, чтобы избежать несовместимости. У Льюиса и Шорта, например, существуют две отдельные статьи для слов *mineus* и *minius*. Одно из них переводится как «из киновари или сурика, красный, багряный», а второе — «киноварно-красного цвета». Разумеется, это просто орфографические варианты одного и того же слова. Но на самом деле это вообще не два слова: оба они взяты из одного и того же места из Апулея, но из разных изданий. Какую из этих форм использовал автор оригинала, приходится решать издателю, ясно лишь одно — двух статей тут быть не должно.

Весьма досадно, что за время реализации нашего долговременного проекта появились новые и значительно более добротные издания. В случае с Колумеллой мы только порадовались, когда появилось полное современное издание, и мы смогли наконец преодолеть непоследовательности более ранних изданий, но значительно чаще приходилось расстра-

иваться, когда ценность наших интерпретаций сводилась на нет из-за появления явно лучшего текста, особенно когда часть словаря уже была опубликована. Из-за сравнительной неторопливости процесса издания в те времена печатание началось, как только появилась возможность обеспечить постоянную допечатку словаря по мере завершения работы над ним. По мере возможности мы учитывали появляющиеся новые усовершенствованные толкования, отмечая их как варианты, конъектуры, исправления или любым иным возможным способом.

Работа над словарем осуществлялась методами, которые теперь можно назвать архаичными. Цитаты копировались главным образом от руки, хотя иногда нам удавалось получать оттиски оксфордских изданий классических текстов и вырезать из них нужные места. Отдельные тексты раздавали добровольцам с указанием выписывать все цитаты, в которых содержались редко встречающиеся слова, и наиболее характерные цитаты с более распространенными словами. Среди добровольцев попадались разные люди; в те времена было больше людей, знавших латынь и располагавших свободным временем. Скрибония Ларга, например, тогда могли читать обычные практикующие врачи — поищите-ка сейчас доктора, который способен на это — мой знакомый преподаватель-медик жалуется, что многие его студенты и английского-то толком не знают. В этом наборе цитат попадались примеры как обычного значения слов, так и необычного, а иногда и такого, какого нельзя было понять вообще. Эта методика представляла собою компромисс между чисто случайным отбором, когда можно пропустить что-то важное, и заранее продуманной выборкой.

Для удобства сортировки цитаты выписывались на бумажные карточки стандартного размера (15 x 10 см). При копировании цитаты ключевое слово подчёркивали в основном тексте, чтобы исключить возможность случайного повторного появления этого примера в разных разделах словарной статьи. Интересно, что доктор Сэмюэль Джон-

сон использовал этот же метод при составлении своего словаря английского языка в XVIII веке; я видел в оксфордской Бодлеянской библиотеке текст, размеченный им подобным же образом, с карандашными подчеркиваниями тех слов, которые он счел достойными включения в словарь. В конечном итоге мы получили около миллиона карточек; в верхнем левом углу каждой из них была написана лемма («черное слово»), чтобы удобнее было сортировать их по алфавиту.

Затем внутри статьи по каждому слову осуществлялась хронологическая сортировка цитат. Из-за скудости сохранившегося материала нет никакой гарантии, что в более ранних упоминаниях слов они используются в своем первоначальном значении. Очевидно, разумнее было начинать первичный обзор с самых ранних употреблений. В конечном итоге мы получили коллекцию слов в алфавитном порядке, причём на каждое из них приходилось от одной до нескольких сотен цитат.

В карточках, написанных от руки, разумеется, могли сохраниться такие же ошибки, что и в рукописях, переписывавшихся писцами в средние века; при этом современный почерк, к сожалению, ещё менее надежен. На этой карточке с цитатой из Лукреция (Lucr. V 1022) я заметил, что вместо слова *miseretier* по ошибке было написано *miserier*; посмотрев критический аппарат к изданному тексту, я обнаружил, что точно такая же ошибка встречается в рукописях O, A и L.

Цитата из Колумеллы (Colum. V 1, 4), уже отосланная в печать, в гранках содержала *id opus geometrarum magis esse quam maticorum*. Два корректора независимо друг от друга исправили несуществующее слово *maticorum* на *mathematicorum*. Если бы пришлось обосновывать эту правку, то всех бы удовлетворила гаплография *mat*. На самом деле автор карточки написал своим малоразборчивым почерком слово *rusticorum*, и наборщик, не знавший латыни, прочёл его неправильно. В действительности у Колумеллы сказано: «Это задача скорее землемера, чем крестьянина».

Коллекция цитат была не во всех отношениях удовлетворительной. Предпочтение «хорошей» латыни означало, что цитат из Цицерона, стилиста *par excellence*, на одной странице было гораздо больше, чем, скажем, цитат из «технических» авторов. К тому же, так как общий объём сохранившихся трудов Цицерона существенно больше, чем у любого другого классического писателя, он оказался «избыточно цитируемым» и из-за этого тоже.

Среди других странностей можно упомянуть, например, то, что среди цитат из философа Сенеки нет ни одного упоминания простого слова *Deus*, несмотря на то, что он его использовал многие сотни раз.

Некоторые из выписывавших предоставляли обширный контекст для слова, которое они иллюстрировали, в то время как другие предпочитали использовать короткие фразы, которые часто были неоднозначны. Это означало, что когда дело доходило до обработки конкретных слов, требовалось много дополнительной работы, чтобы обеспечить необходимые материалы.

Все эти проблемы проявлялись по мере разворачивания работы. Но и сейчас трудно представить себе, как можно было организовать работу иначе.

Когда был собран и рассортирован основной материал, началась настоящая редакторская работа. На первой стадии поочерёдно брались примеры на каждое слово и делалась попытка определить его значение только по контексту. Иногда это оказывалось возможным, и тогда на карточке карандашом писался предварительный перевод. В противном случае приходилось консультироваться с изданиями, снабжёнными примечаниями, или откладывать карточку в сторону в надежде, что ситуация прояснится из изучения дальнейших примеров. Чтобы сохранить независимость суждений, мы старались как можно дольше не обращаться к существующим словарям. Необходимо стараться не принимать как истину в последней инстанции существующие хорошо знакомые толкования, с которыми мы уже свыклись.

Так, слово *ргасанус* засвидетельствовано только один раз, у Горация, и его традиционно переводят как «преждевременно поседевший». Нет других примеров, когда бы приставка *ргасе-*, прибавляемая к прилагательным, передавала значение преждевременности; обычно она усиливает значение слова, как наречные «очень» или «в высшей степени». В месте, о котором идет речь, Гораций описывает себя в начале среднего возраста; если он был очень сед, можно предположить, что действительно он был преждевременно сед, но это нельзя считать основным значением слова, по крайней мере мне так кажется. Однако некогда кто-то из учёных былых времён впервые так перевёл это слово, и с тех пор никому не пришло в голову подвергнуть это сомнению. Может быть, мне не стоило так долго останавливаться на этом моменте и, возможно, я здесь не прав, но...

Чтобы облегчить сортировку, мы использовали деревянные ящики, разделенные перегородками. Сходные примеры можно было уложить в одну ячейку, а порядок, в котором располагались различные группы карточек, мог меняться по мере того, как всё более ясным становилось значение слова. На этом этапе было особенно важно отказаться от предвзятых представлений о том, как в целом должна выглядеть словарная статья. У этого метода есть преимущества даже по сравнению с использованием электронно-вычислительных машин, так как всё, что касается слова, доступно для обозрения одновременно, а перетасовка отдельных примеров или их групп существенно облегчена. Мы очень много сортировали и пересортировывали, особенно когда речь шла о более длинных словах, нередко приходилось отказываться от того, что поначалу казалось хорошей идеей, но в конечном итоге мы приходили к такому решению, которое позволяло наилучшим образом иллюстрировать развитие слова. Обычно это совпадало с хронологическим порядком значений, но скачки традиции приводят к тому, что такое происходит не всегда. Развитие слова нельзя себе представить в простой линейной форме, скорее это напоминает дерево с многочис-

ленными ветвями; продолжая эту аналогию, можно сказать, что нижняя ветвь продолжает давать побеги и после того, как это сделали более высокие и далекие ветви. Одно слово может приобрести далёкое значение по аналогии с похожим словом и развить простое переносное значение на более поздней стадии.

В конечном итоге необходимо обратиться к другим словарям, чтобы сравнить свои и их заключения. Они нередко включают важные примеры, которые ваши сотрудники пропустили. Их следует тщательно проверять. У Льюиса и Шорта есть статьи *transjugatus* и *transnauigo*. У нас были карточки для последнего слова, но не для первого. Однако у Льюиса и Шорта были одинаковые примеры для обоих слов; очевидно, что они использовали два разных издания, и чтение *transjugatus* в данном контексте казалось в высшей степени маловероятным, поэтому мы отказались от включения этого слова в наш словарь.

Весь материал по каждому слову мы делили на значения, располагали по порядку, а затем приступали к написанию словарной статьи. Необходимо помнить, что в это время книги печатали, используя горячий набор, и пока шла работа в типографии, не было доступа к оригиналу, который нужно было очень старательно разметить, для того, чтобы у наборщиков не было никаких сомнений в ваших намерениях. Статьи в нашем словаре были оформлены, в общих чертах разумеется, по образцу Оксфордского словаря английского языка; статья начиналась с «черного слова», после чего приводились его грамматические формы, этимология, варианты правописания и так далее, а затем серия дефиниций, каждая со своими иллюстративными примерами.

Обычно люди обращаются к словарю в конечном счете для того, чтобы узнать, что значит слово, поэтому первое, что они делают — это смотрят на дефиницию. Очень редко одно слово в одном языке полностью соответствует по значению другому слову в другом языке. Дефиниция редко выражается одним словом, потому что таким образом одно слово

было бы отождествлено с другим; два или три слова лучше передают семантическую область, на территории которой располагается значение, а нередко приходится употреблять и множество слов (хотя разумеется, это не пригодится вам при литературном переводе). Устойчивые фразы и словосочетания, разумеется, специально отмечаются и переводятся в нужных местах, при этом особое внимание обращается на то, чтобы рассматриваемому слову не приписывали более того, что ему действительно принадлежит – об этом составители словарей часто забывают. Слово, которое появляется в сравнениях и сопоставлениях, несёт также свой собственный буквальный смысл. Мы используем сокращение *fig.* («переносно»), чтобы указать на метафорическое использование слова, но *in fig. phr.* («в фигуральной фразе») для более крупных контекстов, в которых отдельные слова используются буквально. Например, в статье *insector* («гнать, преследовать»): (*fig.*) *nisi adsiduis herbam insectabere rastris Verg. geo. I 155* («если не будешь преследовать траву прилежными мотыгами»); или в статье *iugulum* («горло, ключица») (*in fig. phr.*) *in iugulum innocentis quasi telum aliquod intendere (facultatem dicendi) Plin. ep. III 9, 21* («приставлять к горлу невинного словно некий нож свое красноречие», «направлять на горло невинного как некий дрот свою способность говорить») – во втором случае само сочетание *telum intendere* употреблено в своем прямом значении.

Разделы словарной статьи пронумерованы, чтобы было легче на них ссылаться, но в этом не стоит пытаться найти дополнительный глубокий смысл. Если мы делим словарную статью, допустим, на десять разделов, это не значит, что у этого слова ровно десять значений в латинском языке, но скорее что нам удалось найти десять удачных пересечений с нашим родным языком. Кто-нибудь другой может воспринимать это разделение значений иначе, и не обязательно, что неправ либо он, либо мы. Любой пример может прекрасно подходить одному значению, но при этом быть равным образом применимым к другому. Так, например, *laetus*

в первой строчке «Георгик» Вергилия *quid faciat laetas segetes* дается в словарной статье на значение «цветущий, пышный, с богатой растительностью», но нельзя сказать, что и следующее значение «радостный, счастливый» не могло быть близко мысли поэта.

Нельзя настаивать на значении, которое не может быть обосновано. Так, есть слова из глоссариев с дефинициями глоссаторов и полным отсутствием дальнейшего контекста. Слово *ancaesus* (*ambi-* + *participium* от *caedo*) зафиксировано у Павла (*Paul. Fest.* p. 20 M.) следующим образом: *ancaesa dicta sunt ab antiquis uasa, quae caelata appellamus, quod circumcaedendo talia fiunt*. Конечно, мы можем прийти к заключению, что сосуды были украшены особой гравировкой, но пока мы не найдем во время раскопок сам предмет, соответственным образом подписанный, у нас нет никакой возможности быть в этом уверенными, так что мы оставляем дефиницию Павла как максимум, что можно сказать на эту тему (это может быть тип сосудов, а может быть просто сосуд с определенным украшением и т. д.). Для слова *homeltium*, также из Павла, у нас даже нет никакой правдоподобной этимологии, и явно не имеет смысла расширять его утверждение *homeltium pillei genus* («вид шапки»). Дефиниции должны быть чёткими и по мере возможности написанными современным языком, но в то же время не настолько современным, чтобы быть подверженными риску быстро устареть. Нам следует избегать позиции современных оперных режиссёров-постановщиков, которые, наряжая актеров в современные костюмы, воображают, что мы сможем понять оперу только если она вырвана из исторического контекста, в котором она была задумана. На самом деле этим они говорят о том, что бы они написали, если бы они, а не сам композитор написали эту оперу. Поэтому, подбирая дефиниции к латинским словам, следует пытаться передать то, что они означали для римского писателя и его читателей во время написания, а не то, что сказали бы мы, оказавшись в подобной ситуации сегодня. Название должности

legatus Льюис и Шорт передают то как «правитель», то как «генерал-лейтенант». «Правитель» вполне подходит, так как это – обобщающее слово без конкретных привязок, а вот «генерал-лейтенант» – это четко определенное воинское звание в современной армии, которое не имеет никаких параллелей в античности. Подобным образом и centurio правильно определять как «командир центурии, центурион», но между этими двумя дефинициями Льюис и Шорт вставляют совершенно не подходящего «капитана».

Трудно иметь дело с разговорными выражениями, так как они по природе своей эфемерны и очень быстро начинают звучать странно и старомодно. Так, hercle Льюис и Шорт определяют как проклятье или торжественное заверение «клянусь Геркулесом!». Это правильно, но не дает никакого представления об обстоятельствах, в которых оно употреблялось, а само выражение современному читателю ничего не говорит. Мы бы в такой ситуации, без сомнения, воспользовались каким-нибудь неопределенным бранным выражением, но все современные выражения имеют тонкие различия, и среди них нельзя найти точного соответствия. Поэтому мы решили прибегнуть скорее к описанию, чем к переводу («междометие в форме воззвания к Геркулесу, используемое для подчеркивания утверждения или выражения сильных чувств; оно нормативно употреблялось в основном мужской половиной римского населения, хотя Плавт заставляет так выражаться и гетеру (Plaut. cist. 52)»).

Следующим этапом работы был отбор тех цитат, которые должны были иллюстрировать значения, так как для них требовалась полная четкость и ясность, но при этом нам приходилось ещё и показывать распространенность значения в рамках жанра и периода. Чтобы делать это более эффективно, мы часто просто давали сноску, не приводя саму цитату. Это позволяло идентифицировать важного автора, когда было трудно вычленить информативную фразу и не хотелось чрезмерно раздувать объём словарной статьи. Сами слова, которые надо было печатать, были подчеркнуты

на карточке карандашом, так как в типографию посылались именно карточки, чтобы избежать дальнейших ошибок при переписывании (а то, что в цитате не следовало печатать, в словаре заменяется многоточием). Несмотря на то, что я сказал об излишнем удельном весе текстов Цицерона в общей массе словаря, я должен признать, что благодаря четкости и ясности его стиля чаще всего было гораздо проще найти осмысленные цитаты в его произведениях, чем где-либо ещё. Карточка, содержащая дефиницию, а в случае первого значения ещё и первую ступень (грамматику, этимологию и т. д.) словарной статьи, и другие на то же слово скреплялись вместе бумажной лентой, а за ними шли карточки с неиспользованными цитатами, которые могли пригодиться тому, кто будет перерабатывать словарную статью, и так составлялась вся словарная статья.

Когда черновик статьи был набросан, его передавали следующему сотруднику для комментария, комментариев в письменном виде передавался третьему сотруднику, который и придавал словарной статье окончательный вид. Правда, не всегда все оказывалось так просто. По различным причинам статью нередко приходилось просматривать опять.

Печатание шло медленно. Старый способ горячего набора сейчас практически неизвестен, но у него были свои достоинства. Наборщики и корректоры развили в себе замечательное чутьё на возможное и невозможное в тексте, даже работая с языком, которого они не знали, а так как их отношение было непредвзято, они могли замечать ошибки, которых сам автор, видящий только то, что ожидал увидеть, не замечал. По этой ли или по какой другой причине в наши дни печатание кажется уже не таким аккуратным, как раньше. Впрочем, старым людям всегда свойственно думать в этом духе и гордиться вместе с Горацием, что они *laudatores temporis acti*.

Я не слишком много говорил о людях, которые работали над словарем, и о том, каково было работать над ним. Нас было всегда не более пяти на протяжении всего труда,

и некоторые из нас работали с нами совсем немного времени. Я должен ещё раз подчеркнуть роль Джеймса Вайли во всем проекте. Концепция была его, форму словаря продумал он сам, он организовал сбор материала (при этом большую часть собирая сам), и главное, он натренировал своих сотрудников в лексикографической практике. К сожалению, его эрудиция не всегда соответствовала требуемому уровню, а под конец он внезапно был поражен душевной болезнью. Вклад Джона Чедвика за те пять лет, что он был с нами, и живой интерес, который он проявлял к продвижению нашего труда впоследствии, были также первостепенной важности: он поставил нам высокий стандарт учёности, которому было совсем не просто следовать.

Что же будет после Оксфордского словаря латинского языка? Нет никаких причин считать, что это последнее слово, хотя при все убыстряющемся темпе развития современных технологий его преемник, несомненно, будет очень сильно от него отличаться. Я попытался оправдать раннюю дату-предел (в словарь могли быть включены лишь тексты, датируемые до этого предела), и я все ещё защищаю этот принцип. Тем не менее я отдаю себе отчет в том, что число текстов латинской литературы, написанных после этой даты, очень велико, а серьёзного научного словаря для этой лексики нет, и, конечно, мне бы хотелось, чтобы наши силы были использованы в этом направлении. Но что касается меня, то я уже *rude datus*, вышел на пенсию, подобно зажившемуся гладиатору, предоставляя лексикографические арены молодым. Я бы хотел завершить лекцию одним замечанием историка Томаса Маколей: «Лучший лексикограф должен быть вполне доволен, если мир принимает его произведения с холодным уважением».

Перевод с английского А. А. Григорьевой

